

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*И. М. БУСЫГИНА***Великие державы и их соседи:
стратегии взаимоотношений
(сравнительный анализ России и Китая)**

Для каждой великой державы соседние государства — это пространства, на которые их внимание обращается в первую очередь при попытке расширить влияние за пределы собственной территории. В то же время именно соседние страны используются великими державами как буферы для обеспечения безопасности. Однако стратегии политики соседства великих держав имеют принципиальные различия. Для России строительство вокруг нее территориальной коалиции является главным внешнеполитическим приоритетом и основным подтверждением статуса страны как великой державы, при этом реализация стратегии подразумевает вложение больших ресурсов, как материальных, так и символических. Для китайской элиты формирование коалиции с соседями, напротив, задача неприоритетная. Общий подход Китая к соседям можно охарактеризовать как комбинацию активного и даже агрессивного проникновения в соседние экономики и создание геополитических буферов. Коалиции же строятся не Китаем, но соседними государствами против него. Цель данной статьи — в проведении сравнительного анализа выгод и издержек стратегий России и Китая по отношению к соседним государствам.

Ключевые слова: великие державы, Россия, Китай, политика соседства, коалиции.

Великие державы по определению глобальны — они имеют интересы в различных регионах и действуют по всему миру. Однако у каждой из них есть соседи, отношения с которыми — добрососедские или не очень — складываются в любом случае. Именно соседей крупные державы считают ключевыми с точки зрения их интересов и определения их “естественной” сферы влияния. На соседние страны внимание великих держав обращается в первую очередь при попытке расширить влияние за пределы собственной территории. В то же время именно соседние страны используются великими державами как буферы для обеспечения безопасности. Как утверждал Дж. Мершаймер, главная цель великой державы заключается в достижении региональной гегемонии, препятствуя в то же время другим державам достичь этой цели в отношении их соседей [Mearsheimer 2001]. Иными словами, великие державы могут вовсе не присутствовать или присутствовать минимально в каких-то регионах земного шара, однако в отношениях с соседями они “присутствуют” всегда. Более того, для соседних с ними государств это непосредственное соседство — наиболее важный фактор внешней и, часто, внутренней политики.

Бусыгина Ирина Марковна — доктор политических наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ) Адрес: 190008 Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д.17. E-mail: moriel@mail.ru

Именно соседи ощущают “величие” великих держав неизбежно и в первую очередь, причем они могут разрабатывать и проводить самые различные стратегии в отношении своих “невеликих” соседей. Казалось бы, наиболее логичный вариант — вовлечь их в свою коалицию, начав форматирование окружающих пространств именно с соседних территорий. Действительно, именно это наблюдается в отношении США и блока НАФТА или Бразилии и МЕРКОСУР. Наиболее активна в строительстве коалиций с соседними государствами Россия. Формирование коалиции с соседями неизбежно должно осложняться тем, что именно они испытывают в отношении своего великого соседа наибольшее недоверие и опасения. Однако в принципе это недоверие возможно если не преодолеть, то хотя бы сократить — в том случае, если в стране-гегемоне утвердился демократический и либеральный режим, либо если в коалиции присутствует еще одна крупная страна.

Однако формирование коалиции — вовсе не единственный формат стратегии выстраивания отношений с соседями. Например, коалиционной стратегии не придерживаются ни Индия, ни Китай; причем последний называют меркантилистской державой, которая наращивает свое влияние и в окружающих странах, и во всем мире за счет очень мощной экономики, контролируемой государством, и активных и амбициозных внешнеэкономических инициатив [Ферчен 2017].

Среди прочих великих (и невеликих) держав у России и Китая, располагающихся в Евразии, наибольшее количество соседей. При этом даже на поверхностный взгляд видны коренные отличия между ними в отношении выстраивания стратегии отношений с соседними государствами. Основная цель данной статьи заключается не столько в том, чтобы объяснить эти различия, сколько в том, чтобы проанализировать выгоды и издержки этих стратегий.

Для политической элиты Китая в круг задач формирование коалиции с соседями в принципе не входит. При всем разнообразии инструментов, используемых им, общий подход к соседям можно описать как комбинацию активного и зачастую агрессивного проникновения в соседние экономики и создание геополитических буферов. Коалиции же строятся не Китаем, а соседними государствами *против* него с целью минимизировать возможную китайскую угрозу. Трудно судить, насколько такая политика отвечает долгосрочным стратегическим интересам Китая, однако она по крайней мере последовательна и не требует, что важно, вложения больших ресурсов.

Совершенно иная ситуация у России. Строительство территориальной коалиции вокруг нее вот уже более 25 лет — ее приоритет и основное подтверждение статуса страны как великой державы. Стратегия подразумевает вложение больших ресурсов, как материальных, так и символических, однако ее результаты до сих пор весьма скромны. В рамках ЕАЭС — наиболее “продвинутого” интеграционного блока — Россия объединяет вокруг себя пять государств, то есть в два раза меньше, чем в СНГ, обязательства членов в котором значительно меньше. Очевидно, что вступление в коалицию с Россией для соседних стран (по крайней мере, большинства из них) — не единственная внешнеполитическая опция при всей значимости соседства с Россией. В силу геополитического положения и современной ситуации для многих соседних стран стратегический внешнеполитический выбор реализуется как выбор между Россией и Евросоюзом. Следовательно, если для России важна коалиция с соседями (а она, очевидно, важна), необходимо признавать эту ситуацию и конкурировать за соседние страны, создавая привлекательную для них повестку. Однако на деле Россия ведет себя иначе, отстаивая идею о том, что мировая политика “принадлежит” исключительно великим державам и, тем самым, имплицитно закрепляя за “невеликими” странами маргинальную роль.

Утверждение, что каждая страна должна сделать “окончательный выбор” и, подтверждая этот тезис мерами принудительного характера (наказанием за непослушание), лишь усиливает недоверие к России и в конечном счете резко снижает эффективность коалиционной стратегии, причем не только в нынешний период, но и на будущее. Иными словами, такой подход затратен, непоследователен и обречен на низкую результативность.

Великие державы: строительство коалиции с соседями и альтернативный выбор

“Управление соседством” — стимулирование сотрудничества, наказание за неповиновение и т.п. — одна из наиболее важных внешнеполитических задач как региональных, так и, тем более, великих держав. Предполагается, что эти державы имеют большой набор инструментов поощрения и наказания для реализации этой задачи. В большинстве случаев литература, исследующая отношения между великими (и региональными) державами и их соседями базируется на концепции иерархии в международных отношениях, подчеркивая выраженное неравенство мощи игроков, что дает мощным государствам возможность разными способами влиять на политику своих более слабых соседей (см. [Dalton 2010]). Иными словами, более слабые государства вынуждены, хотя и в различной степени, исполнять волю своего более сильного соседа (см. [Kang 2001; Lake 1996; Lake 2009]). Однако, на мой взгляд, принципиально иерархический характер отношений между великими державами и их соседями и, соответственно, набор инструментов воздействия первых на вторых — лишь предпосылка, в то время как их стратегический выбор в отношении соседей заключается в решении, строить или не строить с ними устойчивую коалицию.

О коалициях написано очень много. Так, практически все основные подходы к международным отношениям, при всех различиях, отмечают ключевую роль создания и поддержания коалиций вокруг (а также против) стран, претендующих на статус великих держав. Более того, по сравнению с предшествующей биполярной системой в современной мировой системе роль коалиций не уменьшилась, но, напротив, значительно возросла, хотя и принципиально изменилась. Как утверждает Г. Мауль, строительство коалиции — важный первый шаг к эффективному международному сотрудничеству в условиях глобализации, а когда коалиция успешно построена, она может расширяться посредством приема новых членов и/или углубления сотрудничества, распространяющегося на новые области. Способность инициировать, расширять и поддерживать коалицию — одна из главных отличительных черт великой державы, причем эта способность будет играть все большую роль в будущем [Mauul 2008].

Отмечу, что страны, расположенные в географической близости (то есть соседи), в большей мере стимулированы к формированию коалиции и в случае отсутствия в их составе великой державы как движущей силы. Например, внутри Евросоюза складываются более прочные коалиции, обладающие значительным уровнем институционализации, определенной структурой сотрудничества, высокой частотой взаимодействия и развитой системой внутренней координации. Такие коалиции формируются на основе географической близости стран-членов, например Бенилюкс, Вышеградская группа, Северо-Балтийская коалиция [Ruse 2011].

Государства формируют коалиции с целью объединения ресурсов для решения общих проблем. При этом коалиция предоставляет своим членам обязательные и неотъемлемые блага, за которые члены альянса не должны конкурировать, поскольку блага получают все члены [Olson, Zeckhauser 1966]. Однако построить успешную коалицию непросто даже при наличии необходимых ресурсов, еще сложнее ее поддерживать. Эффективная коалиция нуждается в грамотно выстроенной повестке, четко определенных общих целях и разделении ролей и обязанностей между членами коалиции, добросовестности всех членов, наконец, легитимности коалиционных институтов на территории коалиции [Mauul 2008, p. 132]. Кроме того, внутри коалиции государства-члены играют разные функциональные роли. Прежде всего речь тут идет о лидерах — инициаторах и “строителях” и их последователях. Важно, что роль инициатора-лидера последователями должна быть признана легитимной [Aggestam 2006; Kirste, Mauul 1996].

Внутри коалиций, особенно с более слабыми соседями, великие державы будут, безусловно, брать на себя роль лидеров-строителей. Однако для них смысл коалиции состоит не в том, чтобы аккумулировать ресурсы (вклад малых партнеров по коалиции в общую “корзину”, как правило, не очень весом), но в том, чтобы, воздействуя на

окружающие пространства, проводить свою повестку и, в конечном итоге, утверждать свою великодержавность. Великие державы потенциально способны объединять окружающие их пространства (и не только) в коалиции, и тем не менее, именно они сталкиваются с особо сложными проблемами в ходе этого процесса. Так, О. Кнудсен указывал на принципиальную нестабильность отношений великих держав с более малыми соседями как следствие существенной асимметрии в значимости этих отношений для большого и малых игроков [Knudsen 1988].

Еще более серьезная проблема возникает вследствие того, что расходы на поддержание благ, предоставляемых коалицией своим членам (прежде всего, безопасности), распределены неравномерно: крупные члены коалиции всегда несут большие (по сравнению с малыми) расходы, например на оборону. Итак, крупнейший участник коалиции берет на себя основные издержки по ее поддержанию, из чего следует, что ответственность и функциональные роли в коалициях с ВД распределены асимметрично. И эта асимметрия поддерживает устойчивость коалиции: доказано, что чем более асимметрично распределение ответственности и ролей в коалициях, тем они устойчивее при прочих равных условиях. Однако обратная сторона асимметрии — угроза неограниченного доминирования со стороны самого большого участника альянса [Walt 2009].

Таким образом, коалиция может быть функциональной, если в ее составе есть асимметрично крупный участник, способный взять на себя основное бремя расходов, но при этом созданы необходимые гарантии, ограничивающие его возможное доминирование в коалиции. Именно в силу внутренней противоречивости этого условия сформировать и поддерживать асимметричные альянсы с участием великих держав весьма сложно. Асимметричные коалиции могут быть эффективными и долгосрочными в том случае, если они выстраиваются государствами с либеральными демократическими режимами на основе четко установленных норм и ожиданий по поводу процесса принятия в них решений [Cowhey 1993; Reed 1997; Walt 1997; Leeds, Savun 2007; Martin 2000; Mansfield, Milner, Rosendorff 2003; Mansfield, Milner, Pevehouse 2008; Leeds, Mattes, Vogel 2009].

Кроме того, наличие в коалиции великой державы неизбежно создает проблему доверия к взятым ею на себя обязательствам. Поэтому для успешного выстраивания и поддержания коалиции великой державе необходимо убедить потенциальных союзников в своей готовности следовать взятым на себя обязательствам даже в те моменты, когда это будет ей объективно невыгодно.

Примечательно, что проблемы, возникающие в связи с формированием коалиций вокруг великих держав, обострились после распада биполярной системы. Так, при биполярном мире положение государства в системе международных отношений в сильной степени определялось тем, какого из “больших” союзников (СССР или США) оно выберет и какой “большой” союзник выберет его. Это делало коалиции жесткими, а переход из одного альянса в другой крайне затруднительным. Современная многополярная система принципиально иная: великие державы расширили возможности для маневра и реализации выбора “единомышленников” среди потенциальных союзников. В то же время речь больше не идет о “жестких” коалициях, то есть состав союзников может меняться в зависимости от конкретной задачи. Это означает, что великой державе необходимо доказывать свою привлекательность как коалиционного партнера, постоянно подтверждая свой статус в системе международных отношений. При этом малые страны в нынешних обстоятельствах имеют возможность выбора, а великие державы вынуждены конкурировать за их лояльность, причем географическое соседство далеко не всегда выступает преимуществом: для малой страны соседняя великая держава может быть (или восприниматься) как значительно более опасная по сравнению с другой, расположенной географически далеко.

В то же время стратегия строительства устойчивой коалиции с соседними государствами — не единственная альтернатива для великих держав. Она может либо быть вовсе не заинтересованной в этом, либо формировать коалицию избирательно, с отдельными соседями и/или по отдельным вопросам. Причины отказа от коалиционного строительства весьма разнообразны и могут быть связаны как с внутренними, так и с внешними

обстоятельствами конкретной великой державы. Так, правящая элита великих держав, с одной стороны, может не рассматривать привлекательность для своей страны роли лидера коалиции и не нуждаться в доказательстве своего великодержавного статуса. С другой стороны, для создания устойчивой коалиции с соседями может просто отсутствовать такая практическая возможность, например если соседние государства уже выстроили коалицию или другая великая держава активно препятствует подобным планам. При наличии подобных условий можно предположить, что задачи великой державы на пространствах соседства будут включать противодействие формированию коалиций против нее и/или ослабление уже существующих. Можно ожидать также наращивание влияния великих держав в соседних государствах с использованием всех возможных инструментов — от торгово-экономических преференций до жесткого принуждения к сотрудничеству. Упор при этом делается на развитие двусторонних отношений, которые — если соседей у великой державы много — отличаются большим разнообразием и которым великая держава будет стремиться присваивать различные функциональные роли — от буфера против другой великой державы до самого преданного союзника.

Россия: строительство коалиции как приоритет политики в отношении соседей

Для России строительство коалиции с соседними государствами — не только внешне-политический приоритет, но и основное подтверждение ее статуса как великой державы. Такой подход выглядит вполне естественным, принимая во внимание огромный размер территории страны, ее природные ресурсы, военную мощь, экономический потенциал, а также факт признания преемственности великой державе биполярного мира — Советскому Союзу. Естественен и выбор стран-соседей как партнеров по коалиции, центрированной вокруг России. Принимая во внимание их экономическую (и политическую) зависимость от России, она имеет большой набор инструментов для наказания и поощрения стран-соседей. Россия рассматривает эти страны как пространства, где она имеет “особые” или “привилегированные” интересы [Adomeit 2011, p. 63]. А “особые интересы” подразумевают и наличие “особых прав” на эти территории, не определенных формально, но подтвержденных и признанных другими великими державами. Из этих оснований и следует исходить, строя свое взаимодействие с окружающими Россию государствами.

Однако интересам российской элиты отвечает вовсе не “любая” коалиция, но лишь коалиция с определенными характеристиками. Речь фактически идет о строительстве “жесткой” коалиции, напоминающей большие коалиции времен биполярного мира, а не “гибкие” коалиции, распространенные сегодня. “Жесткая” коалиция означает лояльность малых государств гегемону (в данном случае России) по всем (или почти по всем) значимым вопросам — как экономическим, так и политическим. В российском дискурсе эта тема актуализирована как “окончательный выбор” между Россией и другими центрами силы, который должны сделать соседние страны — бывшие республики Советского Союза. Кроме того, в российском дискурсе пространство бывшего СССР по прошествии более чем 25 лет все еще именуется “постсоветским”, используется и термин “ближнее зарубежье”, указывающий на положение этих пространств по отношению к России. Действительно, географическая близость к России — важнейший фактор для ее стран-соседей, определяющий не только основной вектор внешней политики, но и зачастую характер политики внутренней.

В том, что вокруг России развиваются процессы экономической интеграции, нет ничего удивительного, напротив, удивительным было бы их отсутствие. Для стран-соседей Россия — наиболее крупный и доступный рынок для экспорта товаров и импорта энергоносителей. Российские инвестиции жизненно необходимы для многих более слабых экономик соседних стран. Однако еще раз подчеркну: российские планы не исчерпываются экономической интеграцией, они предусматривают и интеграцию политического характера.

Российская Концепция внешней политики 1993 г. заявляла регион СНГ как главный приоритет, с 1996 г. министр иностранных дел РФ Е. Примаков проводит линию на смещение фокуса внешнеполитических отношений с Запада на соседние постсоветские государства. Идеей Примакова было создание группы государств — лидеров интеграции, готовых создавать общие институты и делегировать часть суверенитета на наднациональный уровень; другие постсоветские государства могли присоединяться к этой группе по мере готовности и желания. Президент Б. Ельцин также неоднократно говорил, что Россия должна утвердить себя как великая держава через отношения со странами СНГ, подчеркивая, что речь не идет ни о создании новой Российской империи, ни о возрождении Советского Союза [Smith 2014]. Однако в 1990-е гг. такие пожелания оставались в основном риторическими: будучи в глубоком структурном кризисе, Россия не располагала достаточными ресурсами. Такие ресурсы начинают появляться в 2000-е гг., а с ними риторика становится стратегией. В новой Концепции внешней политики от 30 ноября 2016 г. отношения с соседними странами постсоветского пространства и дальнейшее углубление интеграции зафиксированы как основной приоритет России [Министерство... 2016].

Итак, с начала 1990-х гг., то есть практически сразу после распада Советского Союза, Россия начинает инициировать ре-интеграционные проекты, в которых она играет естественную роль гегемона. Первым таким проектом становится Содружество независимых государств (СНГ), учрежденное в декабре 1991 г. Относительно недавние проекты включают Евразийский экономический союз 2010 г. между Россией, Беларусью и Казахстаном и подписание в январе 2012 г. соглашения об общем экономическом пространстве, который с января 2015 г. был трансформирован в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Армения и Кыргызстан стали, соответственно, четвертым и пятым членами этого Союза. Роль лидера-объединителя во всех названных проектах играла Россия; по словам Дж. Адамса, “без России не было бы СНГ” [Adams 1998, p. 51]. Эти же слова можно отнести ко всем интеграционным проектам вокруг России (хотя считается, что у ЕАЭС два “отца-основателя” — президент России В. Путин и президент Казахстана Н. Назарбаев). Наиболее лояльным российским партнером по коалиции считается Беларусь, с которой 2 апреля 1997 г. президенты двух стран подписали Договор о Союзе Беларуси и России, а с 2000 г. действует Постоянный Комитет Союзного государства.

Отмечу, однако, что между первым (СНГ) и последним (ЕАЭС) по времени проектом Россия потеряла несколько потенциальных партнеров по коалиции. Так, СНГ следовал принципу “берем всех, кто хочет” — и 12 бывших республик СССР из 15 (три республики Балтии с самого начала после обретения независимости сделали выбор в пользу присоединения к Евросоюзу) вступили в Содружество. К настоящему времени число членов ЕАЭС составляет менее половины от СНГ, и этот масштаб, как и сама композиция постсоветского пространства, показывают, что “пул” потенциальных партнеров России исчерпан, по крайней мере, на ближайшее время. Из сказанного следует вывод: каждый член пророссийской коалиции ценен, Россия не может позволить себе потерять ни одного из них.

И тем не менее потери уже произошли. После так называемой “пятидневной войны” 2008 г. из группы российских партнеров по коалиции вышла Грузия, однако гораздо более тяжелой (и невосполнимой) потерей стала Украина — стратегически наиболее важная для России страна. И если отношения с Грузией в какой-то мере можно восстановить, к чему Россия активно стремится в последнее время, то потеря Украины носит необратимый характер.

Гегемон создает и поддерживает коалицию, действуя по принципу “кнута и пряника”, то есть используя инструменты поощрения и наказания в отношении стран-партнеров. Однако сочетание этих инструментов будет разным для каждого конкретного случая. Россия использовала инструменты поощрения стран-соседей уже с первой половины 1990-х гг., когда сама она переживала весьма болезненный период экономической трансформации. Тем не менее российская финансовая поддержка бывшим республикам СССР продолжала оказываться. Так, предоставление технических кредитов и списание старых долгов были обычными российскими практиками в это время, что было жестом доброй воли со стороны

России [Kuznetsova 2005]. Вместе с тем Россия в этот период активно использовала и инструменты принуждения. Так, согласно подсчетам Д. Дрезнера, в 1990-е гг. Россия 39 раз вводила экономические санкции против республик бывшего СССР, и в 38% случаев это давало желаемый эффект. Инструменты принуждения включали, в частности, увеличение экспортных тарифов (в отношении Азербайджана), сокращение поставок энергоносителей и изменение цены на них (это касалось прежде всего Украины, Беларуси и Молдовы) [Hillebrand, Bervoets 2013].

В 2000-е гг. российское правительство продолжило практику использования экономических инструментов принуждения против соседних стран с целью получения дивидендов экономического характера и, что еще более важно, для расширения своего политического влияния. Энергетическая зависимость ряда стран-соседей от России естественным образом определила основной вектор использования принудительных инструментов, включавших полную или частичную остановку поставок газа и нефти (а также угрозы прибегнуть к этому, что тоже является инструментом принуждения), изменение ценовой политики (преференциальные цены и их отмена или угроза отмены), а также рейдерские захваты компаний или инфраструктурных объектов в сфере энергетики [Larson 2006].

Однако санкции применялись не только в энергетике. Так, в разное время российское правительство вводило эмбарго на молдавские вина, грузинскую минеральную воду, украинские конфеты, молочные продукты из Беларуси. Как правило, тактика России включала неожиданное и быстрое введение санкций в качестве наказания и столь же внезапную их отмену, воспринимавшуюся как награда. Отмечу, что такой подход принципиально отличается от подхода Евросоюза, который, как правило, не торопится с введением санкций, однако, начав санкционную политику, не в состоянии быстро ее изменить.

Строительство коалиции предусматривает использование не только экономических, но и идеологических инструментов (то есть “мягкой силы”), поскольку схожесть ценностных ориентаций и идеологических установок выступает важным фактором поддержания союза, например в период кризиса. Своим партнерам по коалиции (и не только им) Россия предлагает концепцию “Русского мира”, призванную “определять принадлежность” людей, социальных групп, регионов, однако — и в этом ее сила — не жестко, но гибко. Эта концепция может быть интерпретирована через множество различных контекстов. Наличие “Русского мира”, во-первых, обосновывает права России на то, чтобы “приглядывать” за тем, что происходит в соседних государствах и иногда вмешиваться в происходящее. Во-вторых, концепция связывает современную Россию с ее досоветской и советской историей, причем эта связь обеспечивается через развитие интенсивного взаимодействия с российскими диаспорами за рубежом. Наконец, в-третьих, “Русский мир” — критически важный инструмент для России в отношении ее позиционирования на международной арене и выработки собственного, уникального “голоса” в мировой политике [Laruelle 2015, p. 1].

Начиная с середины 2000-х гг. российские власти приступили к активному формированию групп и организаций, призванных донести послания “Русского мира” в публичное пространство. Были созданы Фонд “Русский мир” (2007 г.), федеральное агентство Россотрудничество (2008 г.), Фонд соотечественников (2009 г.), Фонд Горчакова (2011 г.). Одной из наиболее важных целевых групп “Русского мира” стала молодежь соседних стран — российские форумы, такие как Международный молодежный форум “Селигер”, Кавказский и Балтийский диалоги, обеспечивали встречи пророссийски настроенной молодежи с российскими политиками и другими публичными фигурами. Россия не только приглашает и обучает молодежь соседних государств, помимо этого она финансирует дружественные России ассоциации в этих странах [Laruelle 2015].

Одно из основных преимуществ “Русского мира” — его “гибкая география”, включение в него и русских, и россиян, и соотечественников, живущих в ближнем и дальнем зарубежье, и эмигрантов, а также огромную группу иностранных граждан, говорящих на русском языке, интересующихся Россией и искренне небезразличных к ее будущему. Таким образом, по своему географическому охвату “Русский мир” — это, безусловно,

глобальный проект, подразумевающий, что принадлежность к нему определяет идентичность и дает системе координат человеку вне зависимости от его местонахождения [Laruelle 2015, p. 13].

Китай: меркантилизм и его внешние ограничения

В отличие от России, Китай не склонен к строительству устойчивой коалиции с соседними государствами. Более того, если речь идет о международных организациях, коалиционное поведение свойственно для него менее, чем для других великих держав. Как показывает сравнительный анализ поведения Китая, Индии и Бразилии в ВТО, проведенный К. Хоупвеллом, последние весьма активно строят коалиции по отдельным вопросам (*ad hoc* коалиции) в рамках этой организации, в то время как Китай не предпринимает практически никаких усилий на этом направлении [Hopewell 2015]. Как утверждают китайские исследователи, Китай пытается утвердить себя в отношениях с соседями как сильная, но мирная держава, манифестацией чего служит, в частности, китайская “Политика доброго соседа” (*Good Neighbor Policy*). Это концепция мирной и независимой политики в отношении соседей, основанная не на гегемонии или экспансии, но на создании дружественного, безопасного и процветающего соседства [Chi 2012]. Однако существует и противоположная точка зрения, утверждающая, что Китай проводит в соседних странах агрессивную меркантилистскую политику, не избегая провокаций в их адрес, в том числе военного характера. При этом Китай не ограничивается соседями. Еще агрессивнее он действует на Африканском континенте, “разводя” политику и экономику. Так, политическая и стратегическая “полезность” этого континента в глазах китайской элиты весьма низкая, в то время как экономическая зависимость африканских стран от Китая неизменно растет [Sun 2014].

Однако, будучи чрезвычайно активным в отношении соседей, Китай не преследует цели создания с ними устойчивой коалиции. Возможно, у него нет на соседних пространствах потенциальных партнеров? Есть, хотя круг их ограничен. Имея 14 соседей, Китай располагает большим выбором потенциальных партнеров по территориальной коалиции. Из их списка, правда, следует сразу исключить две страны-гиганта — Россию и Индию, построить с которыми коалицию вокруг одного гегемона (Китая) принципиально невозможно. Отношения с Индией серьезно осложнены конфликтом в отношении регионов Аксай Чин и Аруначал Прадеш, где Китай и Индия до сих пор не пришли к договоренности о границе. Кроме того, Китай поддерживает сторону Пакистана в его конфликте с Индией относительно территориальной принадлежности Кашмира.

Ближайший союзник Китая — Северная Корея. Однако это государство не выглядит перспективным партнером для строительства коалиции, напротив, оно может лишь оттолкнуть других потенциальных членов. Действительно, КНДР — единственный и беспредельно лояльный союзник Китая по коалиции, но это коалиция особого рода: Китай — важнейший источник энергоносителей, продуктов питания и вооружений для КНДР [Albert, Xu 2016]. Более чем на 70% внешняя торговля Северной Кореи — это торговля с Китаем, так что можно без большого преувеличения утверждать, что без помощи Китая экономика КНДР попросту нефункциональна [Johnson 2014, p. 35].

Итак, КНДР — особый случай; более перспективными для строительства “нормальной” коалиции выглядят Монголия, Пакистан, наконец, государства Средней Азии, с которыми уже построена коалиция, хотя и довольно рыхлая, в рамках ШОС с участием другой великой державы — России. Иными словами, предпосылки для выстраивания территориальной коалиции вокруг Китая в принципе есть, хотя намерение выстраивать соответствующую стратегию отсутствует. Стратегию Китая в отношении большинства соседних государств можно сформулировать, скорее, как “агрессивное проникновение через экономику и использование буферов в геополитике”.

Так, “некоалиционное” поведение Китая вовсе не означает отсутствия экономического интереса. Напротив, для многих соседних государств он — важный экономический партнер и источник инвестиций; при этом “китайское присутствие” имеет отчетливую

тенденцию к расширению. Речь идет о таких странах – соседях Китая, как Лаос, Вьетнам, страны Средней Азии, наконец Афганистан, с правительством которого в декабре 2011 г. Китайская Национальная нефтяная корпорация (*China's National Petroleum Corporation*) подписала крупное соглашение, позволяющее ей добывать природный газ и нефть на северо-востоке страны [Shen 2012]. Примечательно, что многочисленные территориальные споры с соседними странами не мешают Китаю наращивать в них свое экономическое присутствие.

Помимо экономических, Китай решает и геополитические задачи с помощью стран-соседей. Так, экспорт нефти из Казахстана не только снижает для Китая зависимость от поставок из стран Ближнего Востока по протяженным морским путям; кроме того, Казахстан служит буферной зоной между Китаем и Россией [Shen 2012]. Аналогичная ситуация с Непалом: для него Китай – важнейший источник инвестиций, технологий и экономической помощи; в то время как для Китая Непал – стратегический буфер в отношениях с Индией (прежде всего, вспомним о Тибете). Еще одним буферным государством между Китаем и Индией выступает Бутан, традиционный союзник Индии.

Отмечу, что отношения Китая с соседями отличаются не только исключительным разнообразием, исследователи подчеркивают и разную интенсивность этих отношений. Так, взаимодействие со странами АСЕАН, Южной Кореей, Тайванем весьма многогранно и, более того, зачастую агрессивно – и экономически, и геополитически (Китай неоднократно инициировал военные операции в отношении ряда этих стран по причине территориальных конфликтов). В то же время китайский подход к государствам Средней Азии гораздо более пассивен [Dalton 2010].

Среди соседей Китая нет, пожалуй, государства, отношения с которым были бы столь сложными и даже парадоксальными, как отношения с Южной Кореей. Парадокс заключается в том, что граждане Южной Кореи считают Китай вторым по привлекательности государством после США, но вместе с тем рассматривают Китай как вторую по масштабу угрозу своей стране после Северной Кореи [Johnson 2014, p. 33]. Более того, с ростом присутствия Китая в экономике и торговле Южной Кореи (с момента установления дипломатических отношений между Китаем и Южной Кореей торговый оборот вырос более чем в 35 раз) и развитием культурных связей уровень доверия к Китаю как к добросовестному соседу продолжает падать [Johnson 2014, p. 34]. Элита Южной Кореи рассчитывала, что ее развитие отношений с Китаем будет способствовать объединению двух государств Корейского полуострова, однако эта надежда не оправдалась. Сегодня нет оснований ожидать, что в этом вопросе Китай поддержит позицию Южной Кореи и тем самым “предаст” своего самого близкого союзника.

Неудивительно, что китайская политика в отношении соседей наталкивается на серьезные ограничения и противодействия. Речь идет не только о США, активно препятствующих расширению китайского влияния в регионе. Противодействие китайской политике оказывают и сами соседние государства, особенно экономически мощные. Таким образом, если Китай не строит коалиции, то коалиции строят против него: в последние годы наблюдается активный процесс формирования индо-японской коалиции для противодействия территориальным претензиям Китая. Китайское руководство практически одновременно “активировало” старые территориальные конфликты с Индией (за Аксай Чин и Аруначал Прадеш), с Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, Брунеем и Филиппинами за части акватории Южно-Китайского моря, с Японией за острова Сенкаку. Эти претензии Китая вынудили соседние страны наращивать собственную активность (в том числе в военном отношении) и укреплять стратегическое, дипломатическое и военное сотрудничество между собой (пример – предоставление Индией своего персонала для мониторинга учений военного флота Вьетнама) [Luttwak 2014]. Важно, что этот новый процесс коалиционного строительства фактически построен на идее не допустить рост китайского влияния на огромных пространствах от Индии до Японии.

Что касается АСЕАН как коалиции государств, то Китай заинтересован в ослаблении этой организации, и рычаги воздействия у него есть, поскольку за последнее десятилетие он стал первым или по крайней мере вторым торговым партнером почти для

всех государств данного объединения. АСЕАН все больше опасается намерений Китая конвертировать свое экономическое влияние в политическое и геополитическое и, действительно, Китай неоднократно предпринимал попытки расколоть этот блок, пытаясь решать вопросы с его членами на двусторонней основе [Johnson 2014, p. 42].

Выгоды и издержки стратегий России и Китая

Стратегии России и Китая по отношению к странам-соседям имеют, естественно, как выгоды, так и издержки, однако у обеих стран их характер совершенно различен. России удалось решить свою главную внешнеполитическую задачу – построить коалицию с соседями при условии российской гегемонии, пусть и с весьма ограниченным составом участников и скромным весом в мировой экономике¹. Многие страны, и далеко не только страны-соседи, считают Россию потенциально привлекательным партнером для сотрудничества, причем весьма добросовестным в отношении принятых на себя торгово-экономических обязательств. Однако ряд объективных проблем не позволяет сформировать широкую и, главное, устойчивую коалицию вокруг России. “В настоящее время основная проблема ЕАЭС заключается в том, что из двух основных мотивов развития интеграции – создания дополнительных ресурсов за счет снятия взаимных торговых ограничений и перераспределения ресурсов в пользу некоторых участников – доминирует второй мотив. В соглашении ЕАЭС возможности для движения в сторону создания дополнительных ресурсов за счет повышения эффективности задействованы далеко не в полном объеме”. В случае дальнейшего сохранения перераспределительного мотива как движущей силы интеграции “российский бюджет будет нести потери от функционирования ЕАЭС и вовлечения в него новых участников” [Кнобель 2015, с. 102, 103].

Эта проблема, однако, далеко не единственная. Еще более важная и труднопреодолимая проблема – угроза неограниченного доминирования со стороны России, а также вопрос доверия к ее обязательствам в отношении соседних стран – партнеров по коалиции. Восприятие России как угрозы характерно не только для политических элит соседних стран, но и для их населения: как показывают опросы, проведенные в странах-соседях России, российская политика в отношении Украины, начиная с 2014 г., для многих жителей соседних стран послужила подтверждением того, о чем они, в сущности, знали всегда – имперских амбиций России и ее политики восстановления контроля над территорией бывшего СССР [Smith 2014].

Кроме того, попытки России создать именно жесткую коалицию, делая соседним государствам “предложения, от которых невозможно отказаться”, наталкиваются на постоянные трудности с точки зрения поддержания лояльности “собранных земель”. В декабре 2016 г. президент Кыргызстана А. Атамбаев по итогам саммита ЕАЭС в Санкт-Петербурге отказался подписать Таможенный кодекс Союза и заявление по дальнейшему развитию торговли [Химишиашвили, Бондаренко 2016]. Или такой факт: в начале января 2017 г. Беларусь приняла решение о создании безвизового режима с 80-ю странами мира, в том числе США и странами – членами Евросоюза. По новым правилам туристы из этих стран смогут без оформления визы находиться на территории Беларуси не более пяти суток. В ответ 1 февраля Россия вводит пограничную зону на границе с Беларусью (территории Смоленской, Псковской и Брянской областей), объясняя это необходимостью борьбы с незаконной миграцией и контрабандой наркотиков. Далее МИД Беларуси заявляет, что решение о создании пограничной зоны принято вопреки всем существующим между Россией и Беларусью договоренностям, а президент А. Лукашенко называет принятые Россией меры “бездумными шагами”, которые лишь ухудшают двусторонние отношения [Филипенко 2017].

Все эти проблемы, на мой взгляд, указывают на концептуальное противоречие российского стратегического подхода к отношениям с соседями и, соответственно,

¹Совокупный ВВП стран ЕАЭС составляет менее одной пятой ВВП Евросоюза и меньше одной трети ВВП Китая [Matlack 2014].

внешней политики. С одной стороны, Россия не может не признавать наличие конкуренции между великими державами за партнеров по коалиции в современном мире, что исчерпывающе продемонстрировали случаи Грузии и Украины. В этих условиях *каждый член коалиции ценен* — и большой, и маленький. Следовательно, характер внешней политики страны-гегемона должен быть привлекательным для потенциальных партнеров по коалиции, тем более имея в виду, что определенный уровень недоверия и опасения со стороны малых стран *изначально* задан самой разницей мощи между гегемоном и странами-соседями.

С другой стороны, характер и российского дискурса, и ее внешнеполитических действий “работают” на идею, что у стран-соседей нет выбора и они обречены на сближение с Россией на ее условиях. Такое противоречие, во-первых, угрожает отделению той или иной страны от коалиции — и реальной, и постоянной, — и тогда ее поддержание коалиции станет еще более затратным для гегемона, чем это предсказывает теория. Во-вторых, это противоречие делает весьма сомнительными шансы на расширение коалиции, то есть на привлечение в нее новых участников. На мой взгляд, данное противоречие связано, помимо прочего, с тем, что я бы назвала “перегруженностью амбициями”, которая объективно работает против российских стратегических интересов.

В отличие от российской, стратегия Китая в отношении соседей на первый взгляд выглядит и гораздо менее затратной, и более последовательной и эффективной. Многие российские проблемы, связанные с соседями, неведомы китайскому руководству. Однако китайская чрезмерная практичность и меркантильность имеет и свои негативные стороны: пренебрежение интересами соседних стран, обострение территориальных споров ведут к тому, что политические элиты соседних с ним государств перестали верить в декларируемый им “мирный подъем”. Они предпринимают усилия по объединению против “китайской угрозы” (подобное невозможно сейчас представить себе в отношении соседей России), привлекая в качестве союзника США — другую великую державу, которая также весьма обеспокоена ростом китайского влияния в регионе и в мире. Китайский подход характеризуется недостаточным стратегическим характером, он слишком детерминирован экономическими соображениями. Без адекватных политических и геополитических усилий сегодняшние выгоды, получаемые Китаем от экономической экспансии, могут оказаться недостаточно устойчивыми в будущем.

* * *

Статус великой державы подразумевает, что в расчетах других крупных игроков она фигурирует именно как держава, располагающая соответствующим экономическим, военным и политическим потенциалом [Buzan, Waever 2003]. Таким образом, статус великой державы — это вопрос внешнего признания, при этом его источники различны у разных держав. Для России, помимо территории, ресурсов и ядерного потенциала — это ее способность выстроить и поддерживать коалицию с соседними государствами. В отличие от нее, Китай утверждает свой статус посредством активного расширения своего присутствия в экономиках соседей. У обоих подходов наличествуют как выгоды, так и издержки, и риски. Однако при очевидном различии по крайней мере один вопрос имеет общий характер — это вопрос о характере внешней политики великой державы, которая была бы непротиворечивым и последовательным воплощением стратегического подхода и тем самым “работала” на подтверждение статуса великой державы, а не против него. Это тем более важно, что каждым своим заявлением и, тем более, действием великая держава создает определенные ожидания у стран-соседей, проецируя свои взаимоотношения с ними на будущее. Иными словами, если соседние с Китаем государства не верят в “мирный подъем” великого Китая сегодня (и исходя из этого строят свои внешнеполитические расчеты), то изменить это отношение в краткосрочной перспективе невозможно. Если Россия, признавая ценность соседей как коалиционных партнеров, тем не менее заявляет о том, что в глобальной политике важны только мощные игроки, и пытается строить коалицию с соседями инструментами принуждения, то это ведет к формированию устойчивого недоверия, уровень которого в будущем станет расти, приводя к очевидным потерям для статуса страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кнобель А. (2015) Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. № 3. С. 87–108.
- Министерство Иностранных Дел Российской Федерации (2016) Концепция внешней политики Российской Федерации (http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248).
- Ферчен М. (2017) Китай, экономическое развитие и международная безопасность: заполнение пробелов (http://carnegie.ru/2017/02/03/ru-pub-67834?mkt_tok=eyJpIjoiTTJVeE5qVXhNR0psWWpneiIsInQiOiJsQVRVMUNhaDILMHhFTjh2RzRNWjViVnBOZDZ4OWNpWWdDZTdHNHNBsZStMb25BS0xsTndTWwDUHlrK2RSbJlGOVVIYXUyVU9LVHhSTE1Kc0t4SWsyeUNZzlpJb3A5UTN5YmhQVjFDM3ZkbjNIUG9GZl90VE04NktCWmVjSlJRdiJ9).
- Филипенко А. (2017) ФСБ объяснила введение погранзоны на границе с Белоруссией // РБК (<http://www.rbc.ru/politics/06/02/2017/589887659a7947721c160a46?from=main>).
- Химинашвили П., Бондаренко М. (2016) Киргизия отказалась подписать Таможенный кодекс ЕАЭС (<http://www.rbc.ru/politics/26/12/2016/586122089a794773a8a4a1f3>).
- Adams J. (1998) The Dynamics of Integration: Russia and the Near Abroad // *Demokratizatsiya*. Vol. 6. No. 1. Pp. 50–64.
- Adomeit H. (2011) Russia and its Near Neighbourhood: Competition and Conflict with the EU. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh (<http://aei.pitt.edu/58636/1/4.2011.pdf>).
- Aggestam L. (2006) Role theory and European foreign policy: a framework for an analysis // Elgström O., Smith M. (eds.) The European Union's role in international politics, concepts and analysis. Abingdon (UK): Routledge. Pp. 11–29.
- Albert E., Xu B. (2016) The China-North Korea Relationship // Council on Foreign Relations (<http://www.cfr.org/china/china-north-korea-relationship/p11097>).
- Buzan B., Waever O. (2003) Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Chi Z. (2012) Historical Change in Relations Between China and Neighboring Countries (1949–2012). Stockholm: Institute for Security and Development Policy (<http://isd.eu/content/uploads/images/stories/isd-main-pdf/2013-chi-historical-changes-in-relations-between-china-and-neighboring-countries.pdf>).
- Cowhey P. (1993) Domestic institutions and the credibility of international commitment: Japan and the United States // *International Organization*. Vol. 47. No. 2. Pp. 299–326.
- Dalton L.K. (2010) Good Neighbor or Bad Neighbor? Explaining China's Neighborhood Policies // University of Wisconsin-Madison (http://users.polisci.wisc.edu/klin/Good_Neighbor_Bad_Neighbor_NATSA.pdf).
- Hillebrand E., Bervoets J. (2013) Economic Sanctions and The Sanctions Paradox: A Post-Sample Validation of Daniel Drezner's Conflict Expectations Model. Lexington: University of Kentucky.
- Hopewell K. (2015) Different paths to power: The rise of Brazil, India and China at the World Trade Organization // *Review of International Political Economy*. Vol. 22. No. 2. Pp. 311–338.
- Johnson C. (2014) Decoding China's Emerging "Great Power" Strategy in Asia // A Report of the CSIS Freeman Chair in China Studies, June.
- Kang D.C. (2001) Hierarchy and Stability in Asian International Relations // *American Asian Review*. Vol. 19. No. 2. Pp. 121–160.
- Kirste K., Maull H.W. (1996) / Zivilmacht und Rollentheorie. Zeitschrift für internationale Beziehungen // Vol. 3. No. 2. Pp. 283–312.
- Knudsen O.F. (1988) Of Lambs and Lions: Relations Between Great Powers and their Smaller Neighbors // *Cooperation and Conflict*. Vol. 23. No. 3. Pp. 111–122.
- Kuznetsova Y. (2005) The Near Abroad: Increasingly Far Away from Russia // *Russia in Global Affairs*, Vol. 1 (http://eng.globalaffairs.ru/number/n_4411).
- Lake D.A. (1996) Anarchy, Hierarchy, and the Variety of International Relations // *International Organization*. Vol. 50. No. 1. Pp. 1–33.
- Lake D.A. (2009) Hierarchy in International Relations. Ithaca and London: Cornell Univ. Press.
- Larson R.L. (2006) Russia's Energy Policy: Security Dimensions and Russia's Reliability as Energy Supplier. Stockholm: Swedish Defense Research Agency.
- Laruelle M. (2015) The "Russian World: Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. Washington: Center on Global Interests.
- Leeds B.A., Mattes M., Vogel J.S. (2009) Interests, Institutions, and the Reliability of International Commitments // *American Journal of Political Science*. Vol. 53. No. 2. Pp. 461–76.
- Leeds B., Savun B. (2007) Terminating Alliances: Why Do States Abrogate Agreements? // *The Journal of Politics*. Vol. 69. No. 4. Pp. 1118–1132.

- Luttwak E. (2014) China and its alarmed neighbors: some strategic considerations // Herzliya Conference (http://www.herzliyaconference.org/_Uploads/dbsAttachedFiles/Luttwak.pdf).
- Mansfield E., Milner H.V., Pevehouse J. (2008) Democracy, veto players and the depth of regional integration // *World Economy*. Vol. 31. No. 1. Pp. 67–96.
- Mansfield E., Milner H.V., Rosendorff B. (2003) Why democracies cooperate more: Electoral control and international trade agreements // *International Organization*. Vol. 56. No. 3. Pp. 477–513.
- Martin L. (2000) *Democratic commitments: Legislatures and international cooperation*. Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press.
- Matlack C. (2014) Putin's Eurasian Union Looks Like a Bad Deal, Even for Russia // *Bloomberg* (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-05-29/putin-s-eurasian-union-looks-like-a-bad-deal-even-for-russia>).
- Mauil H.W. (2008) Germany and the Art of Coalition Building // *European Integration*. Vol. 30. No. 1. Pp. 131–152.
- Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: London: W.W. Norton&Company.
- Olson M., Zeckhauser R. (1966) An Economic Theory of Alliances // *Review of Economic Statistics*. Vol. 48. No. 3. Pp. 266–279.
- Reed W. (1997) Alliance Duration and Democracy: An Extension and Cross-Validation of “Democratic States and Commitment in International Relations” // *American Journal of Political Science*. Vol. 41. No. 3. Pp. 1072–1078.
- Ruse I. (2011) Bargaining Power of Nordic-Baltic coalition in EU Council Negotiations // Paper presented at the ECPR Conference, Reykjavik 24–27 August, 2011.
- Shen W. (2012) China and Its Neighbors: Troubled Relations // EU-Asia Centre (http://www.eu-asiacentre.eu/pub_details.php?pub_id=46).
- Smith H. (2014) Russia as a neighbor // Publication of the Committee for the Future 9/2014 (https://www.eduskunta.fi/FI/tietoeduskunnasta/julkaisut/Documents/tuvj_9+2014.pdf).
- Sun Y. (2014) Africa in China's foreign policy // The Brookings Institution (https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Africa-in-China-web_CMG7.pdf).
- Walt S.M. (2009) Alliances in a unipolar world // *World Politics*. Vol. 61. No. 1. Pp. 86–120.
- Walt S.M. (1997) Why alliances endure or collapse // *Survival: Global Politics and Strategy*. Vol. 39. No. 1. Pp. 156–79.

The Great Powers and Their Neighbors: Relations Strategy (Comparative Analysis of Russia and China)

*I. BUSYGINA**

***Busygina Irina** — Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Applied Political Science of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE) Address: St. Petersburg, Promyshlennaya, 17. E-mail: moriel@mail.ru

Abstract

For each great power neighboring countries are such territories that draw their attention in the first place, when they try to extend influence beyond their own territory, at the same time it is the neighboring countries that are used by the great powers as buffers for their own safety. However, the strategies of the great powers towards their neighboring countries differ fundamentally. For Russia, the construction of territorial coalitions around it is the priority of foreign policy and the main proof of the country's status as a great power, while the implementation of this strategy involves investing a lot of resources, both material and symbolic. For the Chinese elite formation of a coalition with the neighbors, on the contrary is not a priority; China's overall approach to the neighbors can be described as a combination of active and even aggressive penetration into neighboring economies and creation of geopolitical buffers. Coalitions are not built by China, but by the neighboring states against it. The main purpose of this article is to make a comparative analysis of the benefits and drawbacks of the strategies of Russia and China towards their neighboring countries.

Keywords: great powers, Russia, China, policy of neighborhood, coalitions.

REFERENCES

- Adams J. (1998) The Dynamics of Integration: Russia and the Near Abroad. *Demokratizatsiya*, vol. 6, no. 1, pp. 50–64.
- Adomeit H. (2011) *Russia and its Near Neighborhood: Competition and Conflict with the EU*. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh (<http://aei.pitt.edu/58636/1/4.2011.pdf>).
- Aggestam L. (2006) Role theory and European Foreign Policy: A Framework for an Analysis. *The European Union's role in international politics, concepts and analysis* Elgström O., Smith M. (eds.). Abingdon, UK: Routledge, pp. 11–29.
- Albert E., Xu B. (2016) The China-North Korea Relationship. *Council on Foreign Relations* (<http://www.cfr.org/china/china-north-korea-relationship/p11097>).
- Buzan B., Waever O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Chi Z. (2012) *Historical Change in Relations Between China and Neighboring Countries (1949–2012)*. Stockholm: Institute for Security and Development Policy (<http://isdpu.eu/content/uploads/images/stories/isdpu-main-pdf/2013-chi-historical-changes-in-relations-between-china-and-neighboring-countries.pdf>).
- Cowhey P. (1993) Domestic Institutions and the Credibility of International Commitment: Japan and the United States. *International Organization*, vol. 47, no. 2, pp. 299–326.
- Dalton L.K. (2010) *Good Neighbor or Bad Neighbor? Explaining China's Neighborhood Policies*. Univ. of Wisconsin-Madison (http://users.polisci.wisc.edu/klin/Good_Neighbor_Bad_Neighbor_NATSA.pdf).
- Ferchen M. (2017) *Kitay, ekonomicheskoye razvitiye i mezhdunarodnaya bezopasnost': zapolneniye probelov* [China's economic development and international security: filling gaps] (http://carnegie.ru/2017/02/03/ru-pub-67834?mkt_tok=eyJpIjoiTjJVeE5qVXhNR0psWWpneiIsInQiOiJsQVRVMUNhaDILMHhFTjh2RzRNWjViVnBOZDZ4OWNpWWdDZTdHNHbSZZStMb25BS0xsTndTWWdDUHlrK2RSblJGOVVlVXUyVU9LVHhsTElKc0t4SWSyeUNZlZlJb3A5UTN5YmhQVjFDM3ZkbjNIUG9GZlIg0VE04NktCWmVjSlJRdiJ9).
- Filipenok A. (2017) *FSB ob'jasnila vvedeniye pogranzony na granitse s Belorussiei* [FSB Explained the Introduction of the Border Zone on the Border with Belarus] (<http://www.rbc.ru/politics/06/02/2017/589887659a7947721c160a46?from=main>).
- Hillebrand E., Bervoets J. (2013) *Economic Sanctions and The Sanctions Paradox: A Post-Sample Validation of Daniel Drezner's Conflict Expectations Model*. Lexington: Univ. of Kentucky.
- Hopewell K. (2015) Different paths to power: The rise of Brazil, India and China at the World Trade Organization. *Review of International Political Economy*, vol. 22, no. 2, pp. 311–338.
- Johnson C. (2014) *Decoding China's Emerging "Great Power" Strategy in Asia*. A Report of the CSIS Freeman Chair in China Studies, June.
- Kang D.C. (2001) Hierarchy and Stability in Asian International Relations. *American Asian Review*, vol. 19, no. 2, pp. 121–160.
- Khimshiashvili P., Bondarenko M. (2016) *Kirgiziya otkazalas' podpisat' Tamozhenniy kodeks* [Kyrgyzstan has refused to sign the Customs Code of the EAEC] (<http://www.rbc.ru/politics/26/12/2016/586122089a794773a8a4a1f3>).
- Kirste K., Maull H.W. (1996) Zivilmacht und Rollentheorie. *Zeitschrift für internationale Beziehungen*, vol. 3, no. 2, pp. 283–312.
- Knobel A. (2015) Evrazijskij ekonomicheskij sojuz: perspektivy razvitiya i vozmozhnyye prepyatstviya [The Eurasian Economic Union: development prospects and potential obstacles]. *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 87–108.
- Knudsen O.F. (1988) Of Lambs and Lions: Relations Between Great Powers and their Smaller Neighbors. *Cooperation and Conflict*, vol. 23, no. 3, pp. 111–122.
- Kuznetsova Y. (2005) The Near Abroad: Increasingly Far Away from Russia. *Russia in Global Affairs*, vol. 1 (http://eng.globalaffairs.ru/number/n_4411).
- Lake D.A. (1996) Anarchy, Hierarchy, and the Variety of International Relations. *International Organization*, vol. 50, no. 1, pp. 1–33.
- Lake D.A. (2009) *Hierarchy in International Relations*. Ithaca and London: Cornell Univ. Press.
- Larson R.L. (2006) *Russia's Energy Policy: Security Dimensions and Russia's Reliability as Energy Supplier*. Stockholm: Swedish Defense Research Agency.
- Laruelle M. (2015) *The "Russian World": Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination*. Washington: Center on Global Interests.
- Leeds B.A., Mattes M., Vogel J.S. (2009) Interests, Institutions, and the Reliability of International Commitments. *American Journal of Political Science*, vol. 53, no. 2, pp. 461–76.
- Leeds B., Savun B. (2007) Terminating Alliances: Why Do States Abrogate Agreements? *The Journal of Politics*, vol. 69, no. 4, pp. 1118–1132.

- Luttwak E. (2014) China and Its Alarmed Neighbors: Some Strategic Considerations. *Herzliya Conference* ([http://www.herzliyaconference.org/_Uploads/dbs AttachedFiles/Luttwak.pdf](http://www.herzliyaconference.org/_Uploads/dbs%20AttachedFiles/Luttwak.pdf)).
- Mansfield E., Milner H.V., Pevehouse J. (2008) Democracy, Veto Players and the Depth of Regional Integration. *World Economy*, vol. 31, no. 1, pp. 67–96.
- Mansfield E., Milner H.V., Rosendorff B. (2003) Why Democracies Cooperate More: Electoral Control and International Trade Agreements. *International Organization*, vol. 56, no. 3, pp. 477–513.
- Martin L. (2000) *Democratic Commitments: Legislatures and International Cooperation*. Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press.
- Matlack C. (2014) Putin's Eurasian Union Looks Like a Bad Deal, Even for Russia. *Bloomberg* (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-05-29/putin-s-eurasian-union-looks-like-a-bad-deal-even-for-russia>).
- Maull H.W. (2008) Germany and the Art of Coalition Building. *European Integratio*, vol. 30, no. 1, pp. 131–152.
- Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: London: W.W. Norton&Company.
- Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2016) concept of Russia's foreign policy [Ministerstvo inostrannikh del Rossijskoy Federatsii (2016) kontseptsia vneshney politiki Rossii]. ([http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ cKNonkJE02Bw/content/id / 2542248](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248)).
- Olson M., Zeckhauser R. (1966) An Economic Theory of Alliances. *Review of Economic Statistics*, vol. 48, no. 3, pp. 266–279.
- Reed W. (1997) Alliance Duration and Democracy: An Extension and Cross-Validation of “Democratic States and Commitment in International Relations”. *American Journal of Political Science*, vol. 41, no. 3, pp. 1072–1078.
- Ruse I. (2011). Bargaining Power of Nordic-Baltic coalition in EU Council Negotiations. *Paper presented at the ECPR Conference, Reykjavik 24–27 August*.
- Shen W. (2012) China and Its Neighbors: Troubled Relations. *EU-Asia Centre* (http://www.eu-asiacentre.eu/pub_details.php?pub_id=46).
- Smith H. (2014) Russia as a neighbor. *Publication of the Committee for the Future* 9/2014 https://www.eduskunta.fi/FI/tietoaeduskunnasta/julkaisut/Documents/tuvj_9+2014.pdf.
- Sun Y. (2014) Africa in China's foreign policy. *The Brookings Institution* (https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Africa-in-China-web_CMG7.pdf).
- Walt S.M. (2009) Alliances in a unipolar world. *World Politics*, vol. 61, no. 1, pp. 86–120.
- Walt S.M. (1997) Why Alliances Endure or Collapse. *Survival: Global Politics and Strategy*, vol. 39, no. 1, pp. 156–79.